

Концепция вертикальной несбалансированности при анализе бюджетной устойчивости на региональном уровне

Анна Александровна Михайлова

E-mail: aam@irof.ru, ORCID: 0000-0003-0831-2554

Институт прикладных экономических исследований РАНХиГС,
Москва 119571, Российская Федерация

Евгений Николаевич Тимушев

E-mail: evgeny_timushev@mail.ru, ORCID: 0000-0002-5220-3841

Институт социально-экономических и энергетических проблем
Севера, ФИЦ Коми научный центр Уральского отделения РАН,
Сыктывкар 167000, Российская Федерация

Аннотация

В работе анализируются концепция и показатель вертикальной фискальной несбалансированности (Vertical Fiscal Imbalance, VFI) и его возможности при оценке кредитоспособности (долговой устойчивости) регионов России. Установлено, что VFI не заменяет иные показатели долговой и общей бюджетной устойчивости, но дополняет инструментарий анализа диагностикой баланса входящих и исходящих межбюджетных трансфертов в дополнение к балансу расходов и доходов (дефициту бюджета). Вертикальная фискальная несбалансированность имеет тесную обратную парную корреляцию с долей собственных (налоговых и неналоговых) доходов в общих доходах бюджета региона и его бюджетной обеспеченностью и поэтому может выступать в роли одного из главных (вместе с размером долга и капитальных расходов) индикаторов кредитоспособности. Технически анализ с использованием VFI целесообразно осуществлять с предварительным пересчетом параметров бюджетов разных уровней на величину субвенций, относя ее к параметрам бюджета-донора. Сделан вывод, что вертикальная фискальная несбалансированность является важным элементом методологии диагностики бюджетной устойчивости. Дальнейшее исследование особенностей концепции, как и использование VFI при анализе и регулировании межбюджетных отношений, имеет широкие перспективы.

Ключевые слова: бюджетная устойчивость, дотационность, бюджетная обеспеченность, субвенции, долг региона, капитальные расходы бюджета, факторный анализ

JEL: H77

Финансирование: Статья подготовлена в рамках государственного задания РАНХиГС.

Для цитирования: Михайлова А. А., Тимушев Е. Н. Концепция вертикальной несбалансированности при анализе бюджетной устойчивости на региональном уровне // Финансовый журнал. 2021. Т. 13. № 6. С. 98–116.

<https://doi.org/10.31107/2075-1990-2021-6-98-116>.

© Михайлова А. А., Тимушев Е. Н., 2021

<https://doi.org/10.31107/2075-1990-2021-6-98-116>

Concept of Vertical Fiscal Imbalance in the Analysis of Fiscal Sustainability at the Regional Level

Anna A. Mikhaylova¹, Evgeny N. Timushev²

¹ RANEPА, Moscow 119571, Russian Federation

² Komi Science Center of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Syktyvkar 167982, Russian Federation

¹ aam@irof.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0831-2554>

² evgeny_timushev@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5220-3841>

Abstract

The paper analyzes the concept and indicator of vertical fiscal imbalance (VFI) and its capability in assessing the creditworthiness (debt sustainability) of Russian regions. It is found that VFI does not replace other indicators of debt and broader fiscal sustainability, but complements them by providing diagnostics of the balance of incoming and outgoing intergovernmental transfers in addition to the balance of expenditures and revenues (budget deficit). Vertical fiscal imbalance has a close inverse pair correlation with the share of own (tax and non-tax) revenues and fiscal capacity, and can therefore reflect creditworthiness (along with the amount of debt and capital expenditures). Technically, it is advisable to carry out an analysis using VFI with a recalculation accounting for subventions. It is concluded that vertical fiscal imbalance is an important element of the methodology of diagnosing fiscal sustainability. Further study of features of the concept, as well as the use of VFI in the analysis and regulation of intergovernmental relations, suggests a promising outlook.

Keywords: fiscal sustainability, dependency on transfer, fiscal capacity, subventions, regional debt, capital expenditures, factor analysis.

JEL: H77

Funding: The article was prepared within the framework of the state assignment of the RANEPА.

For citation: Mikhaylova A.A., Timushev E.N. Concept of Vertical Fiscal Imbalance in the Analysis of Fiscal Sustainability at the Regional Level. *Financial Journal*, 2021, vol. 13, no. 6, pp. 98–116 (In Russ.). <https://doi.org/10.31107/2075-1990-2021-6-98-116>.

© Mikhaylova A.A., Timushev E.N., 2021

ВВЕДЕНИЕ

Эффективность бюджетной системы зависит от перераспределения доходных и расходных полномочий между уровнями государственного и муниципального управления. В большинстве научных исследований анализируются последствия сложившейся системы распределения бюджетных полномочий с точки зрения динамики важных социально-экономических показателей — прежде всего факторов производства и экономического роста и развития в целом. Однако характеристикам самих межбюджетных отношений, их факторам и следствиям уделяется сравнительно мало внимания. Между тем от особенностей отношений по поводу формирования и использования фондов бюджетных средств напрямую зависит то, какие «сигналы» частному сектору экономики посылает ее общественный сектор.

Особенности межбюджетных отношений в той или иной бюджетной системе обусловлены в первую очередь сложным набором факторов институциональной природы, которые с трудом поддаются количественной оценке. Тем не менее они приковывают все

большее внимание специалистов, следствием чего стало формирование «второго поколения» теории бюджетного федерализма — особой ветви исследований межбюджетных отношений в децентрализованных бюджетных системах, изучающей функционирование соответствующих институтов и формируемых ими фискальных стимулов участников межбюджетных отношений (среди большого числа работ можно выделить, например, [Weingast B. R., 2009]). В настоящее время именно институциональные механизмы извлечения социально-экономических выгод децентрализации, преимущественно с точки зрения создания благоприятных для экономики фискальных стимулов органов государственного и муниципального управления, становятся основной областью исследований [Faguet J.-P., Pöschl C., 2015].

В данной работе мы рассматриваем концепцию вертикальной фискальной несбалансированности (*Vertical Fiscal Imbalance, VFI*) — само понятие, способ расчета и оценку этого показателя по данным бюджетной системы России за 2011–2020 г. Анализ, включающий данные 2020 г., позволит выяснить, как на величине показателя отразились кризисные явления в экономике и бюджетной сфере и можно ли считать анализ с помощью расчета *VFI* достаточным или хотя бы адекватным. Исследование вертикальной фискальной несбалансированности — это попытка поиска ответов на вопросы о факторах и следствиях межбюджетных отношений в той или иной бюджетной системе. Работа в данной области поможет не только получить знания о количественных оценках дисбаланса полномочий и ресурсов, но и продвинуться в изучении движущих механизмов вертикального распределения расходных и доходных полномочий, распределения межбюджетных трансфертов, а также фискальных стимулов субъектов бюджетных отношений. Это также позволит расширить инструментарий анализа общей бюджетной устойчивости [Климанов В. В. и др., 2019].

Исследование вертикальной фискальной несбалансированности как отдельной концепции — это достаточно новая тема. В отечественной и зарубежной литературе сложно встретить работы непосредственно на тему концепции вертикальной несбалансированности, кроме методических документов Международного валютного фонда (далее — МВФ). На современном этапе развития бюджетной системы Российской Федерации внимание ученых привлекают иные, хотя и смежные темы. Так, крайне остро стоят проблемы обеспечения производительных и контрциклических бюджетных расходов [Соколов И. и др., 2021], анализа эффектов федеральных межбюджетных трансфертов [Alexeev M., Chernyavskiy A., 2018; Коломак Е. А., Сумская Т. В., 2020] и межрегиональной неравномерности их распределения [Зубаревич Н. В., 2021], эффектов внутрирегиональных межбюджетных отношений [Бухарский В. В., Лавров А. М., 2020; Дерюгин А. и др., 2021; Бухарский В. В., 2021]. Крайне важно найти механизм создания стимулов к росту налоговой базы в регионах и при этом учесть требования сохранения макроэкономической сбалансированности и сглаживания межтерриториальных различий [Климанов В. В., Михайлова А. А., 2012; Печенская-Полищук М. А., 2021]. Требуется совершенствования и сфера разграничения расходных полномочий [Лавров А. М., 2019], в том числе с точки зрения создания условий для фискальной дисциплины органов власти регионов [Голованова Н. В., Домбровский Е. А., 2016].

В то же время неизбежность вертикального (а с ним и горизонтального) дисбалансов бюджетной системы — это определяющее свойство децентрализованной системы управления и вместе с тем основной недостаток бюджетной децентрализации. Разрыв доходов и расходов на разных уровнях управления и необходимость межбюджетных трансфертов, по метким наблюдениям Бланкарта и Клайбера [Blankart C. B., Klaiber A., 2006], — есть суть любой федеративной системы, которая, усложняясь с течением времени, превращается из относительно простого механизма в сложную смешанную систему. Крайние формы децентрализации — полная налоговая автономия на каждом уровне и вертикальное

бюджетное администрирование, — если и достижимы в реальной жизни, то недолговечны. Разрыв в собственных доходах и расходах наблюдается в любой бюджетной системе мира и вне зависимости от экономического цикла — это подтверждают анализ исторических международных данных [Aldasoro I., Seiferling M., 2014], аналитические работы (например, [Jia J. et al., 2020]) и непосредственно анализ эмпирических данных МВФ и ОЭСР.

Цель данной работы — установить, корректно ли давать оценку кредитоспособности (долговой устойчивости) регионов России, основываясь на показателе вертикальной фискальной несбалансированности. Для достижения цели необходимо провести исследование показателя вертикальной фискальной несбалансированности в следующих аспектах: 1) проанализировать концепцию и методологию расчета; 2) дать оценку уровню и динамике вертикальной фискальной несбалансированности субъектов Российской Федерации; 3) оценить взаимосвязь показателя с известными факторами кредитоспособности регионов России и взаимозаменяемость данных показателей. Перед решением данных задач покажем, как особенности межбюджетных отношений в 2020 г. повлияли на кредитоспособность субъектов Российской Федерации, с тем чтобы лучше понять, как это могло отразиться на индикаторе их вертикальной несбалансированности.

КРЕДИТОСПОСОБНОСТЬ СУБЪЕКТОВ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ ПО ИТОГАМ 2020 г.

К числу многочисленных негативных последствий экономического кризиса 2020 г., вызванного мерами по борьбе с COVID-19, можно отнести рост централизации бюджетной системы Российской Федерации, в том числе на региональном уровне. Кризис 2020 г. прервал тренд небольшого перераспределения бюджетных средств от федерального уровня на региональный в 2011–2019 гг. (табл. 1). Однако период децентрализации не затронул местный уровень бюджетной системы (без учета региональных межбюджетных трансфертов), величина расходов бюджетов которого уменьшилась. По оценкам Левиной [Левина В. В., 2019], налоговые и неналоговые доходы местных бюджетов были неизменны как минимум с 2008 г. В 2020 г. существенно увеличились прямые расходы федерального бюджета и федеральные межбюджетные трансферты, особенно в форме дотаций и субсидий. Является ли «централизация-2020» новым этапом в развитии межбюджетных отношений, спровоцированным внешними условиями, или же только продолжением общего тренда (особенности основных периодов проанализированы в [Юшков А. О. и др., 2017]), сейчас сложно прогнозировать.

Таблица 1

Структура расходов бюджетной системы Российской Федерации, % ВВП / Expenditure structure of the budgetary system of the Russian Federation, % of GDP

Показатель	2011–2018	2019	2020	Изменение	
				в 2019 г. по сравнению с 2011–2018 гг., п. п.	в 2020 г. по сравнению с 2019 г., п. п.
Расходы бюджетной системы Российской Федерации, всего	34,6	34,2	39,7	-0,4	5,5
Федеральный бюджет:					
прямые расходы*	16,1	14,4	17,7	-1,7	3,3
субвенции бюджетам субъектов Российской Федерации	0,4	0,4	0,6	-0,04	0,2
межбюджетные трансферты бюджетам субъектов Российской Федерации, кроме субвенций	1,8	1,9	3,1	0,1	1,2

Показатель	2011–2018	2019	2020	Изменение	
				в 2019 г. по сравнению с 2011–2018 гг., п. п.	в 2020 г. по сравнению с 2019 г., п. п.
Бюджеты субъектов Российской Федерации:					
прямые расходы без учета федеральных межбюджетных трансфертов	5,5	6,1	6,5	0,6	0,4
субвенции местным бюджетам (бюджетам городских округов и муниципальных районов)	1,8	1,7	2,1	–0,03	0,3
межбюджетные трансферты местным бюджетам, кроме субвенций	1,1	1,2	1,4	0,1	0,2
Местные бюджеты: прямые расходы без учета региональных межбюджетных трансфертов	1,5	1,3	1,3	–0,2	0,1

* Прямые расходы федерального бюджета учитывают межбюджетный трансферт в адрес внебюджетных фондов / * Direct expenditures of the federal budget include intergovernmental transfers to extra-budgetary funds.

Примечание: здесь и далее в тексте данные по Республике Крым и г. Севастополю входят в расчеты по мере доступности (начиная с 2014 г.), если не отмечено иное / Note: Here and further in the text data for the Republic of Crimea and Sevastopol are included in the calculations as per availability (starting from 2014), unless otherwise noted.

Источник: расчеты авторов по данным Казначейства Российской Федерации, Росстата (данные по ВВП РФ) / Source: the authors' calculations based on data of the Federal Treasury, Rosstat (data on GDP).

Таблица 2

**Основные параметры бюджетов субъектов
Российской Федерации, тыс. руб. на человека /
Main parameters of the budgets of the subjects
of the Russian Federation, thousand rubles per person**

Показатель	2011–2019 гг.	2020 г.	Темп роста в 2020 г. в сравнении с 2011–2019 гг., %
Кроме бюджетов Москвы и Санкт-Петербурга:			
Расходы бюджета	54,7	73,3	134
Дефицит бюджета («–» если профицит)	1,3	3,7	285
Входящие трансферты, без федеральных субвенций	12,7	23,4	184
Исходящие трансферты, без региональных субвенций	8,2	10,4	126
г. Москва:			
Расходы бюджета	184,0	234,5	127
Дефицит бюджета («–» если профицит)	–2,1	10,7	–
Входящие трансферты, без федеральных субвенций	5,4	18,8	346*
Исходящие трансферты, без региональных субвенций	0,5	0,5	110
г. Санкт-Петербург:			
Расходы бюджета	130,9	150,9	115
Дефицит бюджета («–» если профицит)	1,6	8,4	519
Входящие трансферты, без федеральных субвенций	6,1	7,3	119
Исходящие трансферты, без региональных субвенций	0,6	0,2	34

* Большой объем безвозмездных поступлений обусловлен доходами от возврата организациями остатков субсидий прошлых лет (в размере 199,9 млрд руб.) / * A large volume of intergovernmental transfers is due to revenues from the return of remaining subsidies from organizations (amounts to 199.9 billion rubles).

Примечание: приведено к ценам 2017 г. с учетом индекса бюджетных расходов (ИБР). Средние взвешенные на численность населения; города федерального значения (Москва и Санкт-Петербург) выделены отдельно по причине высоких значений расходов (расходы бюджета Севастополя существенно меньше) / Note: given to the prices of 2017, taking into account the budget expenditure index. Weighted averages per population; the cities of federal significance (Moscow and St. Petersburg) are singled out due to high values of expenditure (the values of Sevastopol are significantly less).

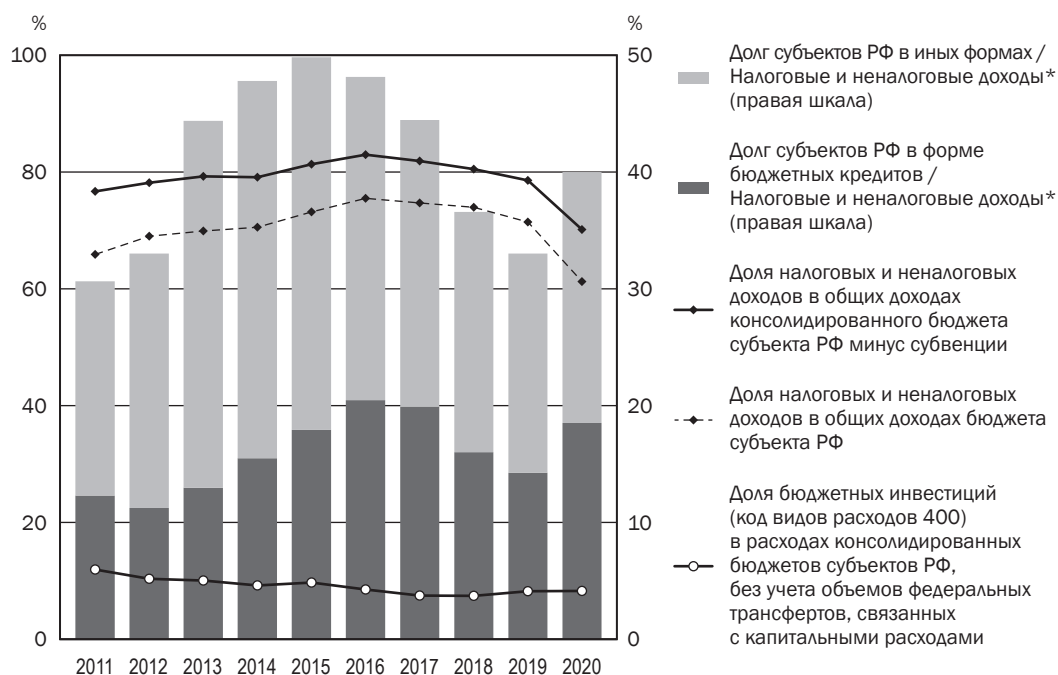
Источник: расчеты авторов по данным Казначейства Российской Федерации / Source: authors' calculations based on data of the Federal Treasury.

В 2020 г. по причине резкого роста расходов бюджеты субъектов Российской Федерации были исполнены со значительным дефицитом (табл. 2). В обеспеченных городах федерального значения, параметры бюджетов которых кратно превышают средние данные по остальным регионам — Москва и Санкт-Петербург, — дефицит вырос даже более существенно. Вследствие необходимости осуществления мер по борьбе с последствиями COVID-19 и проведения контрциклической политики были значительно увеличены и федеральные межбюджетные трансферты. При этом наибольшая часть прироста оставалась на уровне бюджетов регионов и не передавалась далее в форме региональных дотаций или субсидий.

Далее мы покажем, в какой степени отмеченные особенности 2020 г. (дефицит и рост федеральных трансфертов в бюджетах регионов) отражены в значении показателя вертикальной фискальной несбалансированности.

Рисунок 1

Динамика основных факторов кредитоспособности субъектов Российской Федерации, % / Dynamics of the main factors of creditworthiness of the subjects of the Russian Federation, %

* Высокое значение показателя означает низкую кредитоспособность / * High value means a low creditworthiness.

Примечание: без г. Москвы и г. Санкт-Петербурга / Note: excluding Moscow and St. Petersburg data.

Источник: расчеты авторов по данным Казначейства Российской Федерации, Министерства финансов Российской Федерации / Source: the authors' calculations based on data of the Federal Treasury, Ministry of Finance of the Russian Federation.

Основные [Михайлова А. А., Тимушев Е. Н., 2020а] индикаторы долговой устойчивости субъектов Российской Федерации действительно свидетельствуют о ее уменьшении, причем кризис 2020 г. существенно усугубил ситуацию. Во-первых, индикаторы налоговых и неналоговых доходов немного увеличились в 2011–2019 гг., но резко уменьшились в 2020 г. (рис. 1). Во-вторых, размер капитальных бюджетных расходов субъектов Российской Федерации, пересчитанный нами по единой

шкале¹ и без учета федеральных межбюджетных трансфертов капитального характера, имеет долгосрочную тенденцию снижения. В-третьих, в структуре государственного долга субъектов Российской Федерации бюджетные кредиты частично заместили коммерческий долг и общий размер долга далек от пика 2014–2016 гг. Однако в целом за 2011–2020 гг. он увеличился примерно на 10 п. п., что во многом было вызвано опережающим ростом выдачи бюджетных кредитов.

МЕТОДИКА РАСЧЕТА ВЕРТИКАЛЬНОЙ ФИСКАЛЬНОЙ НЕСБАЛАНСИРОВАННОСТИ (VFI)

Показатель вертикальной бюджетной (фискальной) несбалансированности (*Vertical Fiscal Imbalance, VFI*) является одним из критериев устойчивости бюджетной системы и нацелен на диагностику состояния межбюджетных отношений. Соответствующая концепция [Aldasoro I., Seiferling M., 2014] и методология расчета показателя [Lledó V. et al., 2018] разрабатываются МВФ.

По определению, вертикальная фискальная несбалансированность оценивает достаточность собственных доходов региона для осуществления прямых (без учета выделяемых трансфертов) расходов (1). Высокий уровень *VFI* означает высокую зависимость бюджетов регионов от межбюджетных трансфертов (как правило, ситуация низких собственных доходов и высоких прямых расходов).

$$VFI = 1 - \frac{\text{Доходы региона} - \text{Входящие трансферты}}{\text{Расходы региона} - \text{Исходящие трансферты}} \quad (1)$$

Путем преобразований можно вывести формулу расчета *VFI*, более понятную для интерпретации. Применим преобразования (2) и (3):

$$VFI = \frac{\text{Расходы региона} - \text{Исходящие трансферты} - \text{Доходы региона} + \text{Входящие трансферты}}{\text{Расходы региона} - \text{Исходящие трансферты}}, \quad (2)$$

$$VFI = \frac{(\text{Расходы региона} - \text{Доходы региона}) + (\text{Входящие трансферты} - \text{Исходящие трансферты})}{\text{Расходы региона} - \text{Исходящие трансферты}}. \quad (3)$$

Таким образом, получаем, что вертикальная фискальная несбалансированность (*VFI*) характеризует баланс между полученными и предоставленными межбюджетными трансфертами, с учетом заимствований и то, как он (баланс) соотносится с прямыми расходами бюджета (4). Если $VFI < 0$, это означает, что органы власти территории предоставляют нижестоящим бюджетам больше средств, чем получают от вышестоящего бюджета и на финансовом рынке (профицит будет дополнительно уменьшать *VFI*); если $VFI > 0$, это означает, что органы власти территории предоставляют нижестоящим бюджетам меньше средств, чем получают от вышестоящего бюджета и на финансовом рынке.

$$VFI = \frac{\text{Дефицит} + (\text{Входящие трансферты} - \text{Исходящие трансферты})}{\text{Расходы региона прямые}} \quad (4)$$

Примечание: В числителе дефицит бюджета (показатель «Дефицит») берется со знаком «+», профицит бюджета — со знаком «-».

¹ Учитывая структуру видов (коды видов расходов) и направлений (КОСГУ) расходов, по данным за 2015 г. Информация по капитальным расходам в отчетности бюджетов субъектов Российской Федерации за 2011–2014 гг. доступна только по счетам КОСГУ, а за 2016–2020 гг. — только по кодам видов расходов.

Показателем, который составляет часть общего индикатора *VFI* и оценивает исключительно состояние (баланс) межбюджетных отношений в вертикальной плоскости, является показатель зависимости от межбюджетных трансфертов (*Transfer dependency, TD*). Он может быть рассмотрен отдельно для расходной (*expenditure transfer dependency, TD(exp)*) и доходной частей бюджета (*revenue transfer dependency, TD(rev)*). При расчете *TD*, в отличие от *VFI*, не учитывается баланс расходов и доходов (дефицит или профицит) (5). Это упрощает интерпретацию *TD*, когда для расходной зависимости от межбюджетных трансфертов $TD(exp) < 0$ означает, что органы власти территории предоставляют больше средств на нижестоящий уровень, чем получают от вышестоящего, а $TD(exp) > 0$ означает, что органы власти территории предоставляют меньше средств, чем получают в рамках межбюджетных отношений.

$$TD(exp) = \frac{\text{Входящие трансферты} - \text{Исходящие трансферты}}{\text{Расходы региона} - \text{Исходящие трансферты}} \quad (5)$$

Таким образом, вертикальная фискальная несбалансированность **на уровне региона** помогает определить не столько степень его финансовой зависимости от федерального уровня бюджетной системы, сколько его готовность распределять бюджетные средства в форме межбюджетных трансфертов далее вниз, на уровень муниципальных образований. Соответственно, в рамках анализа вертикальной несбалансированности сразу же возникают вопросы, а с ними и гипотезы относительно фискальных стимулов и институтов межбюджетного перераспределения, влияющих на решения органов власти региона. Данные особенности отличают показатель и в целом концепцию вертикальной фискальной несбалансированности от близких показателей межбюджетных отношений.

Широко применяемый как в отечественной литературе, так и в практике межбюджетных отношений показатель дотационности (региона), как правило, понимается еще проще, чем *TD*, — как удельный вес безвозмездных поступлений в общих доходах (реже — расходах) бюджета (6). Таким образом, дотационность не учитывает баланс входящих и исходящих межбюджетных трансфертов, точнее, размер предоставленных (исходящих) межбюджетных трансфертов (см. (5)).

$$\text{Дотационность} = \frac{\text{Входящие трансферты}}{\text{Доходы всего}} \quad (6)$$

Бюджетная обеспеченность (БО, или *fiscal capacity*) является отдельным понятием и показателем, так как характеризует размер налоговых доходов на душу населения в соответствующем регионе *i* в зависимости от налоговой базы и с учетом объективных условий расходования бюджетных средств этой и других территорий (7). Так как само значение БО данного региона *i* зависит от параметров налоговых баз и условий осуществления расходов остальных регионов, данный показатель в максимальной степени применим для сравнения параметров региональных бюджетных систем друг с другом. Его яркое преимущество и вместе с тем и недостаток заключается в том, что, отражая горизонтальную несбалансированность, он не дает представления о характере межбюджетных отношений по вертикали бюджетной системы.

$$BO = \frac{\text{Налоговый потенциал на душу населения}_i}{\text{Индекс бюджетных расходов}_i} \quad (7)$$

$$\text{Налоговый потенциал на душу населения в среднем по Федерации}$$

Таким образом, в отличие от дотационности показатель вертикальной фискальной несбалансированности (*VFI*) можно рассматривать не просто как более сложный, но и как в определенной степени первичный индикатор межбюджетных отношений. В отличие от бюджетной обеспеченности вертикальная фискальная несбалансированность по определению характеризует состояние межбюджетных отношений «по вертикали» бюджетной системы. В связи с этим при анализе целесообразно корректировать расчетные данные *VFI* на величины входящих и исходящих субвенций — как будет показано далее, это позволяет получать более надежные оценки.

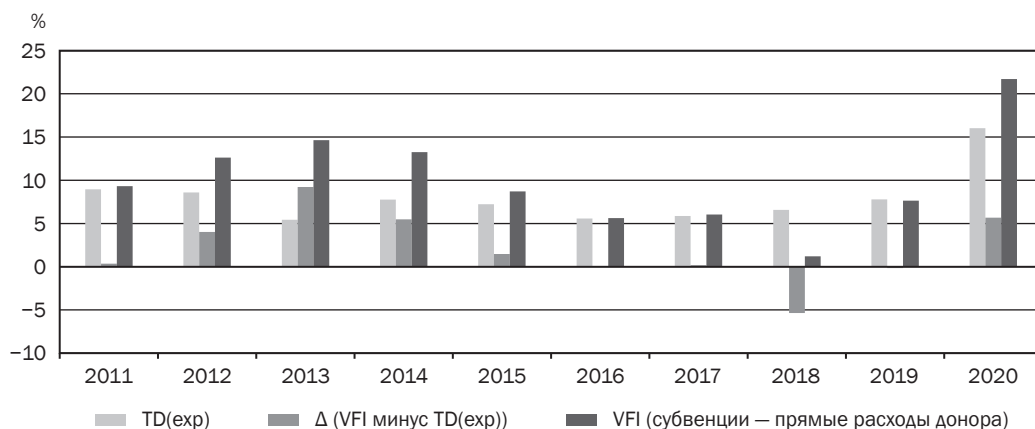
ОЦЕНКА ВЕРТИКАЛЬНОЙ НЕСБАЛАНСИРОВАННОСТИ

Одно из преимуществ показателя вертикальной фискальной несбалансированности над другими показателями состояния долговой и бюджетной устойчивости (уровень долга, дотационность, бюджетная обеспеченность и т. д.) состоит в его конструкции, которая интегрирует в себя два индикатора: 1) баланс расходов и доходов и 2) баланс входящих и исходящих межбюджетных трансфертов. Вторым индикатором представляет показатель расходной зависимости от межбюджетных трансфертов *TD(exp)* (см. формулу (3)).

Среди двух компонентов вертикальной фискальной несбалансированности расходная зависимость от межбюджетных трансфертов *TD(exp)* является сравнительно более устойчивой (рис. 2). Основную вариацию вертикальной несбалансированности субъектов Российской Федерации формирует баланс расходов и доходов (как правило, дефицит) бюджетов (Δ (*VFI* минус *TD(exp)*)). На рис. 2 это отражается в разнице между *VFI* и *TD(exp)*. Исключение составляли только 2013 и 2020 гг.: в обоих случаях *VFI* вырос, но в 2013 г. *TD(exp)* уменьшился по сравнению с предыдущим годом, то есть регионы сравнительно много средств направили местным бюджетам в форме межбюджетных трансфертов, а в 2020 г. *TD(exp)* так же, как и *VFI*, резко увеличился.

Рисунок 2

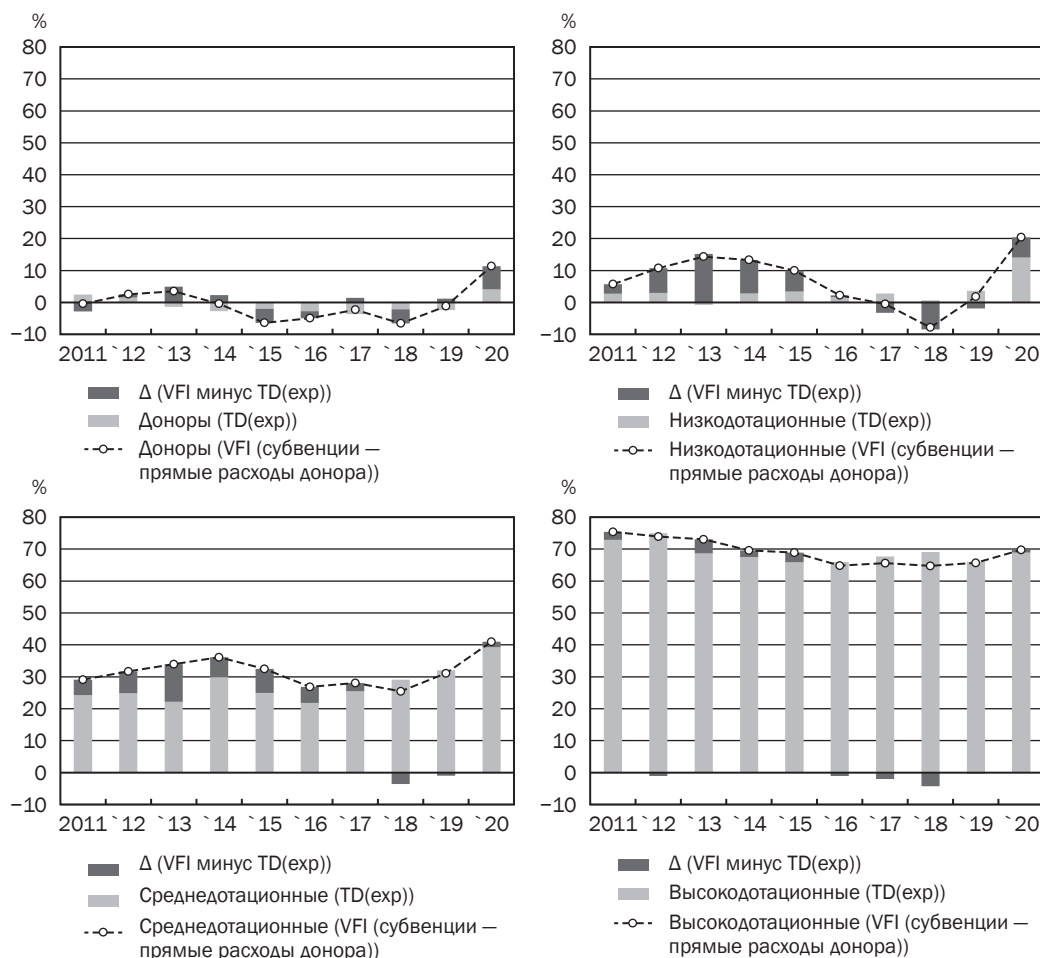
Вертикальная фискальная несбалансированность (*VFI*) субъектов Российской Федерации (субвенции приравниваются к прямым расходам донора) / Vertical fiscal imbalance (*VFI*) of the subjects of the Russian Federation (subventions are considered as direct expenses of the donor)

Примечание: *TD(exp)* — расходная зависимость от межбюджетных трансфертов, с учетом корректировки на федеральные и региональные субвенции (исключены из расчетов) / Note: *TD(exp)* is the expenditure transfer dependency, adjusted to federal and regional subventions (excluded from calculations).

Источник: расчеты авторов по данным Казначейства Российской Федерации / Source: authors' calculations based on data of the Federal Treasury.

Вертикальная фискальная несбалансированность (VFI) субъектов Российской Федерации (субвенции приравниваются к прямым расходам донора), в разрезе групп / Vertical fiscal imbalance (VFI) of the subjects of the Russian Federation (subventions are considered as direct expenses of the donor), by group

Примечание: TD(exp) — расходная зависимость от межбюджетных трансфертов, с учетом корректировки на федеральные и региональные субвенции (исключены из расчетов) / Note: TD(exp) is the expenditure transfer dependency, adjusted for federal and regional subventions (excluded from calculations).

Источник: расчеты авторов по данным Казначейства Российской Федерации. Source: authors' calculations based on data of the Federal Treasury.

В целях анализа определим группы субъектов Российской Федерации в соответствии с группировкой, представленной в приказе Минфина России № 1030 «Об утверждении перечней субъектов Российской Федерации в соответствии с положениями пункта 5 статьи 130 Бюджетного кодекса Российской Федерации»². **Доноры** — 13 субъектов

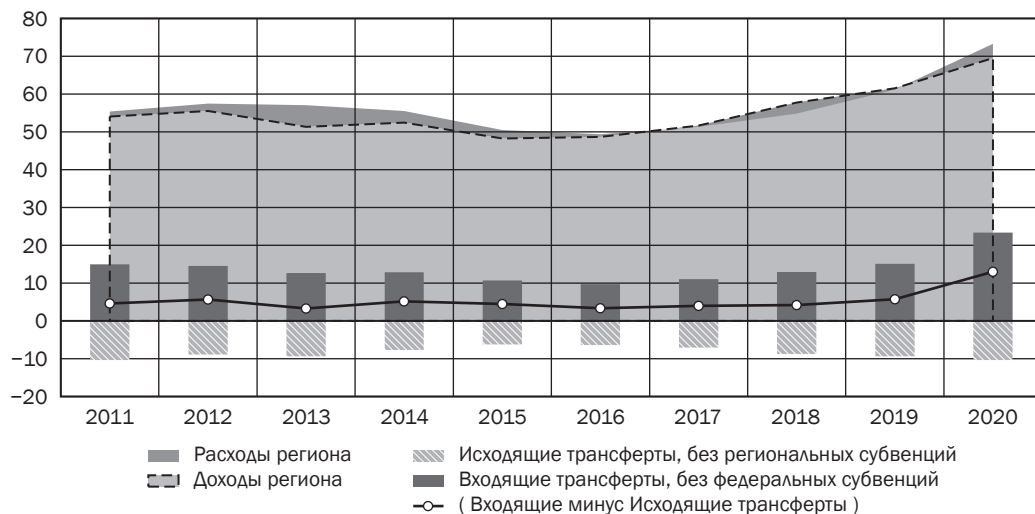
² Об утверждении перечней субъектов Российской Федерации в соответствии с положениями пункта 5 статьи 130 Бюджетного кодекса Российской Федерации. Приказ Минфина России от 11 ноября 2020 г. № 1030.

Российской Федерации, не являющиеся получателями дотаций на выравнивание в 2021 г. **Низкодотационные** — 30 субъектов Российской Федерации с долей дотаций менее 10 % от доходов консолидированного бюджета, за вычетом субвенций в течение двух из трех последних отчетных финансовых лет (кроме «доноров»). **Среднедотационные** — 36 субъектов Российской Федерации с долей дотаций более 10 %, но менее 40 % от доходов консолидированного бюджета, за вычетом субвенций в течение двух из трех последних отчетных финансовых лет. **Высокодотационные** — 6 субъектов Российской Федерации с долей дотаций более 40 % от доходов консолидированного бюджета, за вычетом субвенций в течение двух из трех последних отчетных финансовых лет. Как и по остальным индикаторам долговой и в целом бюджетной устойчивости, по вертикальной фискальной несбалансированности наблюдается высокая межрегиональная дифференциация. Особенно резко отличаются значения *VFI* по группам низко-, средне- и высокодотационных субъектов Российской Федерации (разрыв составляет 20–40 п. п.) (рис. 3).

Различия между регионами-донорами и низкодотационными регионами гораздо менее выражены. В этих группах, как ни странно, дифференциация субъектов Российской Федерации по *TD(exp)* очень небольшая, то есть дисбаланс между входящими и исходящими межбюджетными трансфертами у данных регионов сравнительно мал.

Рисунок 4

Динамика основных компонентов вертикальной фискальной несбалансированности субъектов Российской Федерации (субвенции приравниваются к прямым расходам донора), тыс. руб. на человека / Dynamics of the main components of the vertical fiscal imbalance of the subjects of the Russian Federation (subventions are considered as direct expenses of the donor), thousand rubles per person

Примечание: приведено к ценам 2017 г. с учетом индекса бюджетных расходов (ИБР). Средние взвешенные на численность населения. Без г. Москвы и г. Санкт-Петербурга, с учетом Республики Крым и г. Севастополя (начиная с 2014 г.) / Note: prices of 2017, taking into account the budget expenditure index. The average is weighted by population. Excluding Moscow and St. Petersburg but including the Republic of Crimea and Sevastopol (starting from 2014).

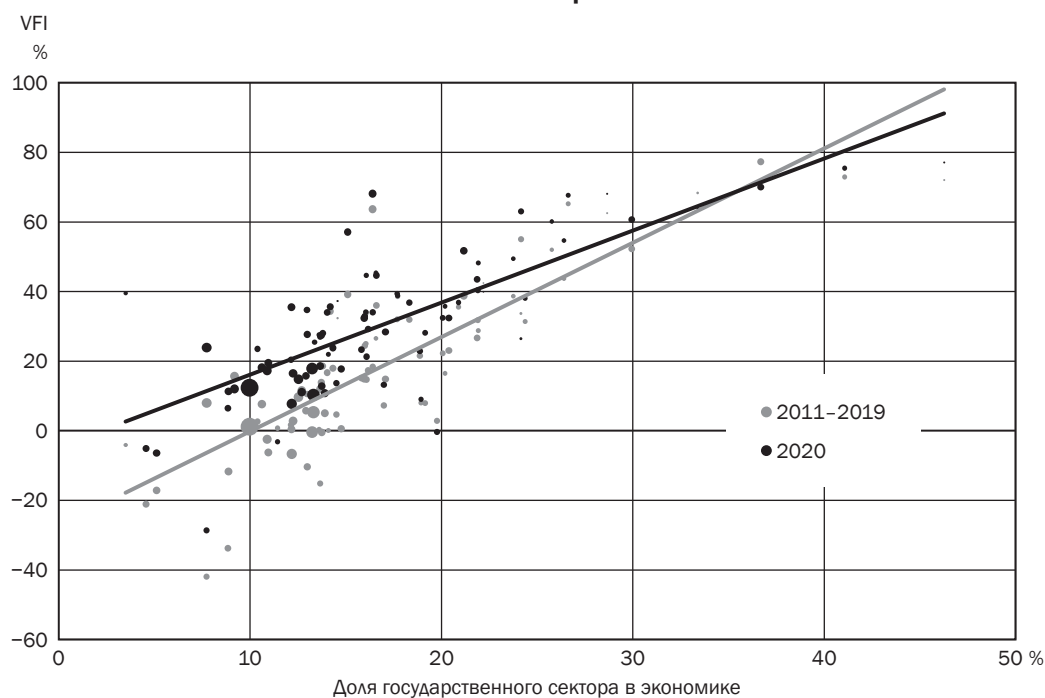
Источник: расчеты авторов по данным Казначейства Российской Федерации / Source: authors' calculations based on data of the Federal Treasury.

Основные изменения в динамике *VFI* и *TD(exp)* произошли в 2013, 2018 и 2020 гг. Согласно нашим расчетам в 2013 г. (и в целом в 2012–2014 гг.) увеличение несбаланси-

рованности было вызвано ростом дефицита бюджетов субъектов Российской Федерации, тогда как дисбаланс входящих и региональных (исходящих) межбюджетных трансфертов даже уменьшился (рис. 4). В 2018 г. уменьшение *VFI* произошло вследствие беспрецедентного роста доходов по отношению к расходам (подробнее см. [Букина И. С., 2019]), что привело к профициту бюджетов субъектов Российской Федерации. В 2020 г., в отличие от 2013 г., напротив, именно сокращение региональных межбюджетных трансфертов, в дополнение к дефициту, повлияло на рост *TD(exp)*, а с ним и на *VFI*.

Рисунок 5

Вертикальная фискальная несбалансированность (*VFI*) субъектов Российской Федерации (субвенции приравниваются к прямым расходам донора) и доля государственного сектора в экономике региона / Vertical fiscal imbalance (*VFI*) of the subjects of the Russian Federation (subventions are considered as direct expenses of the donor) and the share of the public sector

Примечание: диаметр пузырьков отражает размер среднедушевых денежных доходов населения (с учетом ИБР). Государственный сектор включает агрегированные виды деятельности по ОКВЭД: Образование, Здравоохранение и Государственное управление (коды O, P и Q). Без г. Севастополя и Республики Крым (исключены для более точного представления данных за 2011–2013 гг. в части периода 2011–2019 гг.). / Note: the diameter of the bubbles reflects the size of the average per capita monetary income (taking into account the budget expenditure index). The public sector includes aggregated types of activities as per Russian statistical classification of economic activities: Education, Health Care and Public Administration (codes O, P and Q). Excluding Sevastopol and the Republic of Crimea (for the purpose of a more accurate presentation of data for 2011–2013 within the period of 2011–2019).

Источник: расчеты авторов по данным Казначейства Российской Федерации, Росстата / Source: the authors' calculations based on data of the Federal Treasury, Rosstat.

Общая динамика *VFI* за 2011–2019 гг. в целом была стабильной: рост в 2012–2014 гг. был погашен снижением в 2018 г. (см. рис. 2). В 2020 г. степень прямой взаимосвязи вертикальной несбалансированности и размера отраслей социальной сферы уменьшилась, что обусловлено ростом несбалансированности регионов с малой долей госсектора

(рис. 5). Особенно выраженным был рост вертикальной несбалансированности наиболее обеспеченных субъектов Российской Федерации — Ненецкого, Ханты-Мансийского и Ямало-Ненецкого АО, Сахалинской и Тюменской областей.

Таким образом, рост дефицита бюджетов субъектов Российской Федерации и внутри-региональная централизация межбюджетных трансфертов в 2020 г. были отражены в росте как показателя расходной зависимости от межбюджетных трансфертов $TD(exp)$, так и включающего его общего показателя вертикальной фискальной несбалансированности VFI . При этом именно возможность оценить дисбаланс входящих и исходящих межбюджетных трансфертов, в том числе с учетом их видов (субвенции), на наш взгляд, выгодно отличает VFI от других популярных индикаторов межбюджетных отношений и основных показателей долговой устойчивости.

VFI VS ФАКТОРЫ КРЕДИТОСПОСОБНОСТИ

В рамках анализа линейной взаимосвязи основных показателей межбюджетных отношений более устойчивые и статистически значимые коэффициенты парной корреляции можно получить при использовании показателя вертикальной фискальной несбалансированности, учитывающего входящие и исходящие субвенции « VFI (субвенции — прямые расходы донора)» (табл. 3). «Номинальный» показатель VFI , не разделяющий виды межбюджетных трансфертов, менее информативен.

Характер взаимосвязи показателя вертикальной фискальной несбалансированности и известных показателей кредитоспособности (долг, капитальные расходы и собственные доходы) указывает на то, что VFI обратно взаимосвязан с кредитоспособностью региона. Особенно сильная отрицательная парная корреляция с VFI наблюдается для доли налоговых и неналоговых доходов в общих доходах. Также подтверждается необходимость корректного расчета размера капитальных расходов — только в этом случае высказанный тезис соблюдается. Общий вывод о том, что **вертикальная несбалансированность выше в условно менее обеспеченных (в широком понимании термина) и финансово отстающих регионах**, подтверждается и при корреляционном анализе иных групп показателей. Во-первых, рост VFI ассоциирован с увеличением просроченной кредиторской задолженности и удельного веса краткосрочных обязательств. Во-вторых, VFI выше в регионах с высокой долей дотаций в доходах бюджета и меньшей бюджетной обеспеченностью. В-третьих, VFI в среднем выше в регионах с более низкими значениями частных доходов в экономике (заработная плата) и более низкой развитостью сектора малого и среднего предпринимательства (МСП). В данном аспекте «негативные» эффекты VFI хорошо демонстрирует его сильная отрицательная взаимосвязь с оригинальным индексом бюджетной устойчивости, учитывающим не только бюджетные показатели (в том числе показатели долга), но и показатели состояния экономики и институциональной сферы, где последним придается наибольший вес³ [Михайлова А. А., Тимушев Е. Н., 2020b]. Особенность данного индекса в том, что он призван отразить институциональные характеристики бюджетной системы — правила распределения полномочий и выделения межбюджетных трансфертов. Интересно также то, что в менее обеспеченных регионах с высокой вертикальной несбалансированностью в структуре региональных межбюджетных трансфертов выше доля дотаций и меньше — субсидий. Сама по себе такая конструкция внутрирегиональных межбюджетных отношений — рост нецелевого компонента, — как правило, приветствуется на федеральном уровне управления.

³ Индекс рассчитывается как арифметическая средняя взвешенная трех групп показателей (всего 20 ед.) — институциональных (с весом 8,3 %), экономических (5,0 %) и бюджетных (4,2 %). Число используемых показателей ограничено с учетом охвата наиболее важных аспектов бюджетной устойчивости.

**Парная корреляция с показателями
вертикальной фискальной несбалансированности /
Paired correlation with indicators of vertical fiscal imbalance**

Показатель	Расходная зависимость от межбюджетных трансфертов (TD(exp))	VFI	VFI (субвенции — прямые расходы донора)
Факторы кредитоспособности			
Долг субъекта РФ / Налоговые и неналоговые доходы бюджета субъекта РФ	0,3	0,4	0,4
Доля капитальных расходов в общих расходах консолидированного бюджета субъекта РФ	0,3	0,3	0,2
Доля капитальных расходов (код 400 вида расходов) в общих расходах консолидированных бюджетов субъектов РФ, без учета объемов федеральных трансфертов, связанных с капитальными расходами	0	-0,2	-0,3
Доля налоговых и неналоговых доходов в общих доходах консолидированного бюджета субъекта РФ минус субвенции	-0,9	-0,9	-0,9
Показатели качества управления финансами (приказ № 552*)			
Отношение объема просроченной кредиторской задолженности субъекта РФ и бюджетных и автономных учреждений к расходам бюджета субъекта РФ	0,2	0,3	0,3
Доля краткосрочных обязательств в общем объеме долга субъекта РФ	0,2	0,2	0,2
Удельный вес расходов бюджета субъекта РФ, исполняемых в рамках государственных программ, в общем объеме расходов	-0,3	-0,3	-0,3
Дотационность субъекта РФ			
Дотации всего / Безвозмездные поступления (консолидированный бюджет субъекта РФ)	0,7	0,7	0,8
Уровень расчетной (до распределения) бюджетной обеспеченности (РБО) субъекта РФ, ед.	-0,6	-0,6	-0,7
Внутрирегиональные межбюджетные отношения			
Доля дотаций в структуре региональных межбюджетных трансфертов	0,2	0,2	0,2
Доля субсидий и иных межбюджетных трансфертов в структуре региональных межбюджетных трансфертов	0	0	-0,3
Социально-экономические показатели			
Индекс бюджетной устойчивости (FSI), ед.	-0,6	-0,6	-0,7
Оборот малых и средних предприятий (МСП) всего (с учетом индекса бюджетных расходов (ИБР)), тыс. руб. на человека	-0,3	-0,3	-0,4
Заработная плата по отношению к среднему показателю по России (с учетом индекса бюджетных расходов (ИБР)), ед.	-0,4	-0,4	-0,5

* О Порядке осуществления мониторинга и оценки качества управления региональными финансами. Приказ Минфина России от 03.12.2010 № 552 (ред. от 28.07.2020).

Примечание: по средним данным за 2011–2018 гг. Только значимые коэффициенты корреляции / Note: based on average data for 2011–2018. Significant coefficients only.

Источник: расчеты авторов / Source: calculated by the authors.

Показатель вертикальной фискальной несбалансированности является надежным «заменителем» традиционных индикаторов долговой и в целом бюджетной устойчивости, уникальным образом, но достоверно отражая различия между объектами анализа (в данном случае — регионами России). На это указывают результаты факторного анализа (табл. 4), согласно которым VFI является лидирующим показателем в числе основной группы индикаторов — ориентиров при суждении о степени финансовой самостоятельности, бюджетной обеспеченности и дотационности субъекта Российской Федерации. В целом же лишь пять групп рассматриваемых показателей («факторы») объясняют до 60 % объединенной вариации данных показателей.

**Результаты факторного анализа, данные за 2011–2018 гг. /
Results of the factor analysis, data for 2011–2018**

Показатель	Фактор и его нагрузка показателями (Loadings)					Уникальность показателя ‡
	(1)	(2)	(3)	(4)	(5)	
VFI (субвенции – прямые расходы донора)	-0,94 †	0,3	-	-0,3	-	0,1
Факторы кредитоспособности						
Долг субъекта РФ / Налоговые и неналоговые доходы бюджета субъекта РФ	-0,2	0,39 †	-0,3	-0,3	-0,2	0,5
Доля налоговых и неналоговых доходов в общих доходах консолидированного бюджета субъекта РФ минус субвенции	0,92 †	-0,2	-0,1	0,3	-0,2	0,0
Доля капитальных расходов (код 400 вида расходов) в общих расходах консолидированных бюджетов субъектов РФ, без учета объемов федеральных трансфертов, связанных с капитальными расходами	0,2	-	-0,80 †	-	-	0,4
Показатели качества управления финансами (приказ № 552)						
Удельный вес расходов бюджета субъекта РФ, исполняемых в рамках государственных программ, в общем объеме расходов ‡	0,2	-0,4	-0,1	-	-0,1	0,7 ‡
Удельный вес зарезервированных средств бюджета субъекта РФ в объеме расходов ‡	-	-	-	0,4		0,9 ‡
Отношение объема просроченной кредиторской задолженности субъекта РФ и бюджетных и автономных учреждений к расходам бюджета субъекта РФ	-	0,95 †	-0,2	-0,1	0,2	0,0
Отношение расходов на обслуживание государственного долга субъекта РФ (за исключением расходов на обслуживание бюджетных кредитов) к среднему объему долга ‡	-	-	-0,5	-	-	0,8 ‡
Доля краткосрочных обязательств в общем объеме долга субъекта РФ ‡	-0,2	-	-	-0,3	0,1	0,9 ‡
Дотационность субъекта РФ						
Уровень расчетной (до распределения) бюджетной обеспеченности (РБО) субъекта РФ, ед.	0,73 †	-	0,5	0,3	-	0,1
Дотации всего / Безвозмездные поступления (консолидированный бюджет субъекта РФ)	-0,73 †	0,1	-0,2	-0,2	0,3	0,2
Внутрирегиональные межбюджетные отношения						
Доля дотаций в структуре региональных межбюджетных трансфертов	-0,2	0,3	-	-	0,59 †	0,6
Социально-экономические показатели						
Индекс бюджетной устойчивости (FSI), ед.	0,4	-0,3	0,3	0,77 †	-0,2	0,0
Доля объясненной вариации общей совокупности показателей	24 %	12 %	11 %	9 %	5 %	-
Накопленная вариация	24 %	36 %	46 %	55 %	60 %	-

Примечание: согласно статистике хи-квадрат (p-value: 0,05) пять факторов хорошо описывают общую вариацию показателей. † – показатели с высокой нагрузкой имеют схожую вариацию (по существу, схожие друг с другом) и хорошо объясняются соответствующим фактором. ‡ – Uniquenesses: показатели, отличающиеся уникальной вариацией по сравнению с остальными показателями (имеют отдельное собственное значение и в наименьшей степени могут быть обобщены с остальными показателями) / Note: according to chi-square statistics (p-value: 0.05), five factors describe the overall variation of indicators well. † – indicators with high load have a similar variation (essentially similar to each other) and are well explained by the corresponding factor. ‡ – Uniquenesses: indicators that differ in a unique variation compared to other indicators (they have a separate eigenvalue and can be generalized to the least extent with other indicators).

Источник: расчеты авторов / Source: calculated by the authors.

Для дальнейшего тестирования применимости показателя вертикальной несбалансированности в рамках анализа кредитоспособности (долговой устойчивости) мы повторяем [Михайлова А. А., Тимушев Е. Н., 2020а] эмпирический анализ детерминант кредитных рейтингов субъектов Российской Федерации⁴ на прежних данных с добавлением в качестве фактора показателя вертикальной фискальной несбалансированности (табл. 5).

Результаты регрессионного анализа простым методом наименьших квадратов (МНК) свидетельствуют о правомерности замены показателя собственных доходов бюджета субъекта на показатель вертикальной несбалансированности (последнего — с корректировкой на субвенции). Замена показателя собственных доходов на *VFI*, в силу их взаимозаменяемости и обратной взаимосвязи, меняет значения коэффициента регрессии и свободного члена. Однако ни значимость самого фактора, ни коэффициент детерминации практически не изменяются, а предпосылки анализа по-прежнему соблюдаются.

Таблица 5

**Оценки коэффициентов регрессий
(метод наименьших квадратов) /
Estimates of regression coefficients (ordinary least squares)**

Переменные / Модель	(1)	(2)	(3)	(4)	(5)
Свободный член	-0,2	-0,5	-1,4*	1,8**	0,7**
Доля налоговых и неналоговых доходов в общих доходах бюджета субъекта РФ	0,4**	-	-	-	-
Доля налоговых и неналоговых доходов в общих доходах консолидированного бюджета субъекта РФ минус субвенции	-	0,4**	0,4**		
<i>VFI</i> (субвенции — прямые расходы донора)	-	-	-	-0,3**	-0,4**
Доля капитальных расходов в общих расходах бюджета субъекта РФ	0,4**	0,4**	-	-	-
Доля капитальных расходов (код 400 вида расходов) в общих расходах консолидированных бюджетов субъектов РФ, без учета объемов федеральных трансфертов, связанных с капитальными расходами	-	-	0,4**	0,5**	0,7**
Долг / Налоговые и неналоговые доходы	-0,4**	-0,4**	-0,4**	-0,4**	-
Отношение объема просроченной кредиторской задолженности субъекта РФ и бюджетных и автономных учреждений к расходам бюджета субъекта РФ	-	-	-	-	-0,1*
R ² adjusted	0,77	0,77	0,76	0,73	0,63
Jarque-Bera test (нормальность ошибок)	0,7	0,7	0,9	0,9	0,6
Breusch-Pagan test (гомоскедастичность ошибок)	0,8	0,9	0,8	0,8	0,6
Durbin-Watson test (корреляция ошибок)	0,7	0,6	0,5	0,6	0,5
Кол-во наблюдений	29	29	29	29	29

* Коэффициенты, значимые на уровне 10 % / * Significant at 10 %.

** На уровне 1 % / ** Significant at 1 %.

Примечание: расчеты по данным за 2019 г., данные по кредитным рейтингам — на весну 2020 г. Значимость коэффициентов оценивается на основе стандартных ошибок, робастных относительно гетероскедастичности / Note: calculations are based on 2019 data, data on credit ratings are — for spring 2020. The significance of the coefficients is estimated on the basis of standard errors that are robust with respect to heteroscedasticity.

Источник: расчеты авторов / Source: calculated by the authors.

⁴ Используется простая аддитивная модель, в которой объясняемой переменной выступают кредитные рейтинги от Аналитического кредитного рейтингового агентства, которые переводятся в целые числовые значения, когда число «1» присваивается ситуации наименьшей кредитоспособности (рейтинг ВВВ), а положительный знак при объясняющей переменной показывает положительное влияние фактора на кредитоспособность.

ВЫВОДЫ

Вертикальная фискальная несбалансированность (*Vertical Fiscal Imbalance, VFI*) отражает баланс важнейших параметров бюджетов: расходов и доходов и входящих и исходящих межбюджетных трансфертов. Поэтому ее можно считать одним из основных критериев бюджетной устойчивости в аспекте состояния межбюджетных отношений «по вертикали» бюджетной системы. Конструкция показателя делает его гибким с аналитической точки зрения: например, расчетные данные *VFI* можно корректировать на виды расходов/доходов или входящих/исходящих трансфертов. В частности, корректировка на величины входящих и исходящих субвенций позволяет получать более надежные оценки с точки зрения взаимосвязи показателя с гораздо чаще используемыми индикаторами и добиться более корректного отражения фискальных стимулов участников отношений.

Анализ долговой и в целом бюджетной устойчивости исключительно на основе показателя вертикальной фискальной несбалансированности вряд ли можно считать достаточным. Также он не является полноценной альтернативой уже известным индикаторам кредитоспособности регионов. Однако его расчет и разложение на компоненты, особенно показатель расходной зависимости от межбюджетных трансфертов, безусловно, обогащает инструментальный анализ. А его применимость не ограничивается анализом долговой устойчивости.

VFI близок к таким традиционным показателям, как доля собственных (налоговых и неналоговых доходов) в общих доходах и бюджетная обеспеченность. Также он тесно взаимосвязан с вариантом индекса бюджетной устойчивости. Но его главная особенность — это отражение состояния межбюджетных отношений «по вертикали», чего лишены другие индикаторы. По определению, вертикальная несбалансированность выше при росте дефицита бюджета и дисбалансе входящих и исходящих межбюджетных трансфертов (когда величина входящих трансфертов выше исходящих). Иными словами, высокое значение *VFI* на протяжении долгого периода времени может считаться признаком снижения бюджетной устойчивости региона. А в масштабах Федерации в целом *VFI* — это полезный инструмент изучения механизмов вертикального распределения полномочий и ресурсов, существующих фискальных стимулов и стоящих за ними институциональных факторов. Это открывает перспективы для использования показателя в диагностике и регулировании межбюджетных отношений.

Список источников

- Букина И. С. Бюджетно-налоговая политика России в период замедления экономического роста и итоги 2018 г. // Федерализм. 2019. № 1 (93). С. 86–99. URL: <https://doi.org/10.21686/2073-1051-2019-1-86-99>.
- Бухарский В. В., Лавров А. М. Жесткие бюджетные ограничения: теоретические основы и проблематика российских городов // Вопросы государственного и муниципального управления. 2020. № 1. С. 7–40.
- Бухарский В. В. Бюджетная децентрализация и стимулы местных органов власти в Российской Федерации // Финансовый журнал. 2021. Т. 13. № 2. С. 114–129. URL: <https://doi.org/10.31107/2075-1990-2021-2-114-129>.
- Голованова Н. В., Домбровский Е. А. Федеральный центр и регионы: изменение разграничения полномочий в 2005–2015 годах // Научно-исследовательский финансовый институт. Финансовый журнал. 2016. № 2 (30). С. 41–51.
- Дерюгин А., Филиппова И., Арлашкин И. Влияние внутрирегиональной налоговой децентрализации на развитие доходной базы регионов // Экономическая политика. 2021. Т. 16. № 2. С. 8–33. URL: <https://doi.org/10.18288/1994-5124-2021-2-8-33>.
- Зубаревич Н. В. Региональные экономики в 2020 г.: пандемия создала проблемы в ресурсодобывающих регионах и крупных городах // Экономическое развитие России. 2021. № 4. С. 81–85.
- Климанов В. В., Михайлова А. А. Возможности и ограничения децентрализации налоговых полномочий // Финансы. 2012. № 2. С. 10–14.
- Климанов В. В., Казакова С. М., Михайлова А. А. Ретроспективный анализ устойчивости регионов России как социально-экономических систем // Вопросы экономики. 2019. № 5. С. 46–64. URL: <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2019-5-46-64>.

Коломак Е. А., Сумская Т. В. Оценка роли федеральных трансфертов в субнациональной бюджетной системе Российской Федерации // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2020. Т. 13. № 2. С. 89–105. URL: <https://doi.org/10.15838/esc.2020.2.68.6>.

Лавров А. М. Логика и перспективы бюджетных реформ в России: в поисках «оптимальной децентрализации». Цикл публикаций и документов (1998–2019 гг.). М.: Издательский дом НИУ ВШЭ, 2019. 832 с.

Левина В. В. Согласование интересов в бюджетной политике субъектов Российской Федерации // Федерализм. 2019. № 1 (93). С. 100–117.

Михайлова А. А., Тимушев Е. Н. Кредитоспособность регионов России: на что обращать внимание // Финансовый журнал. 2020(а). Т. 12. № 6. С. 69–86. URL: <https://doi.org/10.31107/2075-1990-2020-6-69-86>.

Михайлова А. А., Тимушев Е. Н. Бюджетная система России: насколько устойчива? // Экономический журнал ВШЭ. 2020(б). № 24 (4). С. 572–597. URL: <https://doi.org/10.17323/1813-8691-2020-24-4-572-597>.

Печенская-Полищук М. А. Влияние процессов централизации и децентрализации на формирование налогового потенциала территорий // Экономика региона. 2021. Т. 17. № 2. С. 658–672. URL: <https://doi.org/10.17059/ekon.reg.2021-2-22>.

Соколов И. А., Белёв С. Г., Сучкова О. В. Как обеспечить бюджетную устойчивость в России? // Проблемы прогнозирования. 2021. № 4 (187). С. 66–76. URL: <https://doi.org/10.47711/0868-6351-187-66-76>.

Юшков А. О., Савушкин Л. И., Одинг Н. Ю. Межбюджетные отношения в России: все еще маятник? // Вопросы государственного и муниципального управления. 2017. № 5. С. 38–59. URL: <https://doi.org/10.17323/1999-5431-2017-0-5-38-59>.

Alexeev M., Chernyavskiy A. A tale of two crises: Federal transfers and regional economies in Russia in 2009 and 2014–2015 // *Economic Systems*. 2018. Vol. 42. Iss. 2. P. 175–185. URL: <https://doi.org/10.1016/j.ecosys.2017.07.002>.

Aldasoro I., Seiferling M. Vertical Fiscal Imbalances and the Accumulation of Government Debt // *IMF Working Paper*. 2014. WP/14/209. URL: <https://doi.org/10.5089/9781484357552.001>.

Blankart C. B., Klaiber A. Subnational Government Organisation and Public Debt Crises // *Economic Affairs*. 2006. Vol. 26. Iss. 3. P. 48–54. URL: <https://doi.org/10.1111/j.1468-0270.2006.00649.x>.

Faguet J.-P., Pöschl C. Is decentralization good for development? In: Faguet J.-P., Pöschl C. (eds). *Is Decentralization Good for Development? Perspectives from Academics and Policy Makers*. Oxford University Press, 2015.

Jia J., Liu Y., Martinez-Vazquez J. et al. Vertical fiscal imbalance and local fiscal indiscipline: Empirical evidence from China // *European Journal of Political Economy*. 2020. Article 101992. URL: <https://doi.org/10.1016/j.ejpolco.2020.101992>.

Ledó V., Ncuti C., Kabanda M. et al. The IMF Fiscal Decentralization Dataset: A Primer / *International Monetary Fund*, December 2018.

Weingast B. R. Second Generation Fiscal Federalism: The Implications of Fiscal Incentives // *Journal of Urban Economics*. 2009. Vol. 65. Iss. 3. P. 279–293. URL: <https://doi.org/10.1016/j.jue.2008.12.005>.

References

Alexeev M., Chernyavskiy A. (2018). A tale of two crises: Federal transfers and regional economies in Russia in 2009 and 2014–2015. *Economic Systems*, vol. 42, iss. 2, pp. 175–185. Available at: <https://doi.org/10.1016/j.ecosys.2017.07.002>.

Aldasoro I., Seiferling M. (2014). Vertical Fiscal Imbalances and the Accumulation of Government Debt. *IMF Working Papers* 14/209. Available at: <https://doi.org/10.5089/9781484357552.001>.

Blankart C.B., Klaiber A. (2006). Subnational government organisation and public debt crises. *Economic Affairs*, 26 (3), pp. 48–54. Available at: <https://doi.org/10.1111/j.1468-0270.2006.00649.x>.

Bukina I.S. (2019). Fiscal Policy of Russia in the Period of Economic Growth Slowdown and the Results of 2018. *Federalizm – Federalism*, vol. 93, no. 1, pp. 86–99 (In Russ.). Available at: <https://doi.org/10.21686/2073-1051-2019-1-86-99>.

Buharsky V.V., Lavrov A.M. (2020). Hard Budget Constraints: Theoretical Foundations and Problems of Russian Cities. *Voprosy gosudarstvennogo i municipal'nogo upravleniya – Public Administration Issues*, no. 1, pp. 7–40 (In Russ.).

Buharsky V.V. (2021). Fiscal Decentralization and Incentives of Local Authorities in the Russian Federation. *Financial Journal*, vol. 13, no. 2, pp. 114–129 (In Russ.). Available at: <https://doi.org/10.31107/2075-1990-2021-2-114-129>.

Deryugin A., Filippova I., Arlashkin I. (2021). Impact of Intraregional Tax Decentralization on a Region's Tax Base. *Ekonicheskaya politika – Economic Policy*, vol. 16, no. 2, pp. 8–33 (In Russ.).

Faguet J.-P., Pöschl C. (2015). Is decentralization good for development? In: Faguet J.-P., Pöschl C. (eds). *Is Decentralization Good for Development? Perspectives from Academics and Policy Makers*. Oxford University Press.

Golovanova N.V., Dombrovskiy E.A. (2016). Federal Center and Regions: Assignment of Powers Changes in 2005–2015. *Finansovyy zhurnal – Financial Journal*, no. 2 (30), pp. 41–51 (In Russ.).

Jia J. et al. (2020). Vertical fiscal imbalance and local fiscal indiscipline: Empirical evidence from China. *European Journal of Political Economy*, p. 101992. Available at: <https://doi.org/10.1016/j.ejpoleco.2020.101992>.

Klimanov V.V., Kazakova S.M., Mihajlova A.A. (2019). Retrospective Analysis of the Resilience of Russian Regions as Socio-Economic Systems. *Voprosy ekonomiki*, vol. 5, pp. 46–64 (In Russ.). Available at: <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2019-5-46-64>.

Kolomak E.A., Sumskaya T.V. (2020). Assessing Federal Transfers' Role in the Subnational Budget System of the Russian Federation. *Ekonomicheskie i social'nye peremeny: fakty, tendencii, prognoz — Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, vol. 13, iss. 2, pp. 89–105 (In Russ.). Available at: <https://doi.org/10.15838/esc.2020.2.68.6>.

Klimanov V.V., Mikhaylova A.A. (2012). Opportunities and Limitations of Decentralization of Tax Authorities. *Finansy*, no. 2, pp. 10–14 (In Russ.).

Levina V.V. (2019). Coordination of Interests in the Budget Policy of the Russian Regions. *Federalizm — Federalism*, vol. 93, no. 1, pp. 100–117 (In Russ.).

Lavrov A.M. (2019). Logic and Prospects of the Budget Reforms in Russia: In Search of Optimal Decentralization. Cycle of publications and documents (1998–2019). M.: HSE Publ., 2019, 832 p. (In Russ.).

Lledó V. et al. (2018). The IMF Fiscal Decentralization Dataset: A Primer. International Monetary Fund, December.

Mikhaylova A.A., Timushev E.N. (2020a). Creditworthiness of Russian Regions: What Needs to Be Considered. *Financial Journal*, vol. 12, no. 6, pp. 69–86 (In Russ.). Available at: <https://doi.org/10.31107/2075-1990-2020-6-69-86>.

Mikhaylova A.A., Timushev E.N. (2020b). Russia's Budgetary System: How Much Sustainable? *HSE Economic Journal*, vol. 24, no. 4, pp. 572–597 (In Russ.). Available at: <https://doi.org/10.17323/1813-8691-2020-24-4-572-597>.

Pechenskaya-Polishchuk M.A. (2021). The Influence of Centralization and Decentralization Processes on Regional Tax Potential. *Ekonomika regiona — Economy of Regions*, vol. 17, no. 2, pp. 658–672 (In Russ.). Available at: <https://doi.org/10.17059/ekon.reg.2021-2-22>.

Sokolov I.A., Suchkova O.V., Belev S.G. (2021). How to Ensure Budget Sustainability in Russia? *Problemy prognozirovaniya — Studies on Russian Economic Development*, vol. 32, no. 4, pp. 383–390. Available at: <https://doi.org/10.47711/0868-6351-187-66-76>.

Yushkov A., Savulkin L., Oding N. (2017). Intergovernmental Relations in Russia: Still a Pendulum? *Voprosy gosudarstvennogo i municipal'nogo upravleniya — Public Administration Issues*, no. 5, pp. 38–59 (In Russ.). Available at: <https://doi.org/10.17323/1999-5431-2017-0-5-38-59>.

Weingast B.R. (2009). Second Generation Fiscal Federalism: The Implications of Fiscal Incentives. *Journal of Urban Economics*, vol. 65, iss. 3, pp. 279–293. Available at: <https://doi.org/10.1016/j.jue.2008.12.005>.

Zubarevich N.V. (2021). Regional Economy in 2020: the Pandemic Has Created Problems in Resource-Producing Regions and Large Cities. *Ekonomicheskoe razvitie Rossii — Russian Economic Development*, vol. 28, no. 4, pp. 81–85 (In Russ.).

Информация об авторах

Анна Александровна Михайлова, кандидат экономических наук, доцент, старший научный сотрудник Института прикладных экономических исследований РАНХиГС, г. Москва

Евгений Николаевич Тимушев, кандидат экономических наук, научный сотрудник лаборатории финансово-экономических проблем Института социально-экономических и энергетических проблем Севера Коми научного центра Уральского отделения РАН, г. Сыктывкар

Information about the authors

Anna A. Mikhaylova, Candidate of Economic Sciences, Docent, Senior Researcher, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Moscow

Evgeny N. Timushev, Candidate of Economic Sciences, Researcher, Institute of Socio-Economic and Power Problems of the North, Komi Science Center of the Ural branch of the Russian Academy of Sciences, Syktyvkar

Статья поступила в редакцию 06.09.2021

Одобрена после рецензирования 24.11.2021

Принята к публикации 08.12.2021

Article submitted September 6, 2021

Approved after reviewing November 24, 2021

Accepted for publication December 8, 2021